

²⁹ *Тепер К.М.*, 1930 р.н. Спогади, записані 19.08.04 в с. Ново-Вітебськ // ОАА.

Надійшла до редколегії 04.10.2007

М.Э.Козырева

**НЕМЕЦКИЕ РАЙОНЫ ЮГА УКРАИНЫ
КАК НАЦИОНАЛЬНЫЕ АДМИНИСТРАТИВНО-
ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ЕДИНИЦЫ 20-30-х гг. XX ст.:
КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА
И НЕМЕЦКОГО НАСЕЛЕНИЯ**

У статті аналізуються умови виникнення та характер розв'язання конфліктів між радянською державою і населенням німецьких районів Півдня України під час здійснення національного районування в 20-30-х рр. XX ст. Відбиті специфічні особливості зіткнення інтересів обох зацікавлених сторін при виокремленні та функціонуванні німецьких районів у статусі національних адміністративно-територіальних одиниць.

Опыт функционирования и процесс ликвидации немецких национальных районов Юга Украины в переломный период внутригосударственной и международной истории актуализирует для современных исследователей проблему эффективности этих образований как административно-территориальных единиц. Конфликт интересов основных заинтересованных сторон – советского государства и немецких поселенцев – во многом стал определяющим в жизнедеятельности немецких национальных районов региона.

Существованию немецких национальных районов на Юге Украины история отвела относительно короткий пятнадцатилетний срок – с 1924 по 1939 г. Однако административно-территориальные трансформации, пережитые немецким населением региона, захватывают более широкие хронологические рамки.

Административно-территориальная принадлежность немецких поселений на протяжении всей истории их существования в южных украинских губерниях Российской империи изменялась неоднократно. В конце XVIII – начале XIX вв. компактное расселение в регионе немецких иммигрантов способствовало созданию специальных ад-

министративно-территориальных единиц (сельских обществ, волостей, округов) со специфической системой управления, при формировании которых определяющими были конфессиональные отличия в колониальной среде. Со второй половины XIX в. протекционистская политика царского правительства сменилась все более настойчивыми стремлениями уравнивать колонистов в правах с остальным населением из-за конкуренции, в первую очередь в земельном вопросе. Это привело к упразднению в 1871 г. колониального управления¹, но не привели к изменениям административно-территориального деления и не смогли существенно затормозить экономическое развитие бывших колоний, сохранившихся как целостные экономические образования с традиционным способом производства и инновационными возможностями.

В то же время в условиях усиления политического противостояния России с набирающей силу Германией, возникновение в последней трети XIX в. т.н. «немецкой проблемы» на многие десятилетия заложило семена последующих конфликтов.

События революции 1917 г. и гражданской войны привели не только к экономическому разорению немецких поселений², но и открыли этап хронических административно-территориальных преобразований.

Новые государственные учреждения считали негативным наследием дореволюционного административно-территориального деления неравномерность в размерах площади, количества и плотности населения на губернском, уездном и волостном уровне. На начальном этапе (1919-1920) эти трансформации шли в сторону волостного укрупнения: для удобства собственного управления губернские и уездные ревкомы и исполкомы начали стихийно создавать однородные районы с населением в 30-40 тыс. чел., в состав которых входили 1-3 волости. Это способствовало не только нежелательному с точки зрения исторического опыта отходу от привязки хозяйственных районов к административно-территориальным границам³, но и раздробленности бывших немецких волостей⁴, чьи поселения часто оказывались в составе ненемецких сельсоветов⁵. А непрекращающиеся урезания местными властями земельных наделов в колониальных хозяйствах привели к крайнему обострению проблемы землеустройства и землепользования.

В свою очередь, разрешение земельных конфликтов еще более осложнялось проводимыми советскими инстанциями административно-территориальными преобразованиями. Так, первоначальная

тенденция к разукрупнению привела к увеличению численности губерний на территории Украины (с 9 до 12), но последующие укрупнения способствовали возвращению к первоначальному количеству (после ликвидации Кременчугской, Николаевской и Запорожской губерний с возвращением их территорий тем губерниям, которым они принадлежали до революции⁶. Эти преобразования сопровождалось дальнейшим расчленением бывших немецких волостей⁷, усугубившим катастрофическое состояние немецких поселений в условиях голода 1921-1923 гг.

Для упорядочения административно-территориального устройства в республике еще в октябре 1920 г. при НКВД была организована Административно-территориальная комиссия с филиалами в губерниях. Однако вплоть до 1922 г. из-за отсутствия общей обоснованной концепции будущего внутреннего устройства перекраивание низового административно-территориального деления проходило без какого-либо специального согласования даже с губернским руководством, не говоря уже о соответствующих республиканских центрах⁸.

Попыткой упорядочения проводимых преобразований стало введение в 1923 г. нового административно-территориального деления, в ходе которого волости были укрупнены в районы, а уезды – в округа. В результате этих изменений в республике сложилась четырехступенчатая система управления (центр – губерния – округ – район)⁹. Однако эта реформа, проведенная в спешном порядке¹⁰ и без детальной проработки далеко идущих последствий¹¹, не способствовала выведению немецких колоний из кризиса, так как ни национальный состав¹² населения, ни исторически сложившиеся формы хозяйствования как факторы, влияющие на особенности социально-экономического развития образуемых районов, в расчет не брались. А трагические последствия голода 1921-1923 гг. вкупе с неприятием религиозных основ жизнедеятельности колонистов сделали кризис системным, вызвав массовую эмиграцию населения колоний¹³.

Реформа 1923 г. не только не способствовала стабилизации административно-территориального деления в Украине, но и, наоборот, стимулировала их новый виток в нескольких направлениях. С одной стороны, чрезмерное переукрупнение сельсоветов¹⁴, установленное в ходе проведенного в 1924 г. ЦСУ описания низового районирования, вызвала необходимость их разукрупнения¹⁵, что потребовало увеличения финансовых средств на содержание сети сельсоветов¹⁶ в условиях осуществления работ по районированию за счет местных органов¹⁷. С другой стороны, массовый эмигрантский поток из бывших

немецких колоний (сначала стихийный, а затем принявший в 1923-1924 гг. организованный характер) вкуче с энергичными протестами немецкого населения стали стимулом к началу национального районирования в республике.

Выделение в рамках политики коренизации национальных районов и сельсоветов, начатое уже после проведения республиканской административно-территориальной реформы и вносящее в ее проведение вынужденных корректив¹⁸, явилось запоздалой реакцией государственных структур на крайнее недовольство населения из-за просчетов при проведении предшествовавших социально-экономических и административно-территориальных преобразований. Со своей стороны и немецкие поселенцы, убедившись в практической неосуществимости или недопустимости властью иных предложений и начинаний (как-то, национально-персональная, национально-культурная автономия или правозащитная деятельность меннонитской кооперации), все более склонялись к созданию немецких административно-территориальных образований как дозволенной в условиях советского государства форме защиты своей национальной и социально-экономической самобытности.

Энергичная позиция немецких поселенцев в деле хозяйственно-го восстановления при условии создания механизмов по защите их интересов нашла отклик у государственных структур, стоящих перед необходимостью поиска путей стабилизации. Совокупность этих факторов способствовала тому, что первыми национальными районами, созданными в республике, стали именно немецкие. Но, хотя эти административно-территориальные образования и были призваны упрочить ситуацию, их функционирование проходило в нестабильных условиях: за весь период существования немецких национальных районов неоднократные изменения претерпели их границы, статус, количество, подчиненность, территория, названия.

При образовании немецких районов приоритетными были не конфессиональные различия среди населения, а политико-экономические соображения. Так, в первоначальном плане по районированию немецких колоний Украины в 1924 г. со стороны немцев-коммунистов из числа центральных немецких работников было выдвинуто предложение создать из всех колоний Пришибской и Гальбштадтской волостей единый район. Это обосновывалось нехваткой подходящих работников районного звена из числа немцев-коммунистов и желательностью объединения экономически слабого и дефицитного Пришибского района (ставшего таковым во многом

из-за утраты трех больших мельниц при отделении от Больше-Токмакского района в пользу последнего¹⁹⁾ со значительно более мощным Молочанским (Гальбштадтским) районом. Однако этот план, игнорировавший конфессиональные различия как основополагающие во всех сферах жизнедеятельности населения, вызвал резкое сопротивление со стороны меннонитов, желавших иметь «свой район»²⁰⁾.

Позитивному для немецких поселенцев вердикту способствовала как активная позиция колонистов в отстаивании своих интересов, так и характерная для начального этапа осуществления политики коренизации ориентированность властных структур на заинтересованность местного населения в продуктивном функционировании образуемых национальных административно-территориальных единиц.

Однако использование потенциала немецких районов Юга Украины оказалось низкоэффективным из-за пересечения двух направляющих: национального районирования и растянувшейся во времени (с 1923 по 1939 г.) реформы дореволюционного административно-территориального деления, проведенной «в худшем из всех возможных вариантов»²¹⁾. Правомерным становится вопрос: насколько изначально государственным руководством были просчитаны далеко идущие последствия нового административно-территориального деления в целом и национального районирования в частности? Несмотря на настоятельные заверения инициаторовавших реформы инстанций в научной обоснованности осуществляемых мер, архивные данные свидетельствуют об обратном.

Политическим лидерам Украины необходимо было увязать административную анархию «снизу» с предложенной в 1921 г. московским Госпланом по инициативе В.Ленина идеей экономического районирования. Такой принцип районирования рассматривался российским большевистским руководством как основа не только хозяйственной деятельности (при этом ссылки делались на дореволюционный опыт – образование экономических округов соответствующими министерствами), но и административного деления всего советского пространства. Созданная ВЦИК СССР комиссия под председательством Калинина, в целом одоблив идею Госплана, предложила увязать ее с национальной структурой Союза, рекомендовав в качестве эксперимента провести районирование двух областей – Урала и Северного Кавказа²²⁾.

К 1925 г., когда эти разработки центрального руководства начали находить практическое применение, в Украине к этому времени уже прошла волна не только общего и национального районирования, но и была начата подготовка к ликвидации губернского деления. Показательным в вопросе степени согласованности действий центральных и республиканских органов стало признание комиссии по районированию ВЦИК СССР в том, что эти административно-территориальные преобразования в Украине прошли мимо нее²³.

Еще в ходе проведения административно-территориальной реформы 1923 г. выдвигались предложения окончательно покончить с дореволюционной системой, ликвидировав губернии. Этому тогда воспрепятствовал Х.Раковский, справедливо полагавший, что расширение объектов управления до четырех десятков округов слишком усложнит работу центральных партийных и советских органов. Однако последующее республиканское руководство согласилось с ликвидацией губерний, и с 1925 г. в Украине установилась трехступенчатая система управления (центр – округ – район). Переход к окружной системе рассматривался украинскими высшими инстанциями как более предпочтительный в сравнении с областным делением, предлагаемым союзным Госпланом. Предложения последнего сводились к формированию двух областей (юго-западной с центром в Киеве и южно-горнопромышленной с центром в Харькове), включающих территорию не только Украины, но и находящихся за ее пределами Крымской АССР и части Области Войска Донского²⁴. Предлагаемый Госпланом административный вариант расширил бы контролируемые возможности центра, в то время как при окружной системе обе проектируемые области фактически объединялись в одну в пределах границ УССР, усиливая управленческие позиции украинского политического руководства. Союзные инстанции под давлением «национального момента» хоть и согласились с предложениями украинской стороны, однако с самого начала свою уступку рассматривали как временную сроком не более чем на 3-5 лет²⁵. Таким образом, изначально речь о стабилизации административно-территориальной системы не шла.

Ликвидация губерний, как и предыдущие советские административно-территориальные преобразования в Украине, прошла вполных и, вопреки надеждам республиканского руководства, не способствовала удешевлению советского аппарата²⁶. Отказ от губернского деления для немецкого районирования имел еще одно последствие – одновременную ликвидацию Бердянского округа в рамках кампании по окружному укрупнению, в связи с чем была вновь поднята

проблема объединения Молочанского и Пришибского районов, вновь так и не проведенного²⁷.

Экономические соображения преобладали и при решении вопроса о вхождении образуемого Высокопольского района в состав Херсонского, а не Криворожского округа²⁸. Заинтересованность в такой административной подчиненности продемонстрировало не только население создаваемого района, но и херсонское окружное руководство²⁹, озабоченное риском ликвидации округа при окружном укрупнении³⁰ и в силу этого стремящееся укрепить округ высококвалифицированными сельскохозяйственными производителями в лице немецких поселенцев.

Для населения немецких районов Юга Украины осуществление районирования (как общего, так и национального) имело еще одну важнейшую составляющую – землеустройство. Вопросы землеустройства и землепользования для немецких поселенцев были крайне болезненными³¹ как в силу предыдущих отрезаний в государственные и колонизационные фонды и (или) в пользу ненемецких соседей, так и ввиду невозможности в новых условиях традиционного решения проблемы безземелья путем выведения излишков населения³² в той или иной форме.

Характер и темпы землеустройства непосредственно влияли на формирование и на функционирование немецких районов в статусе национальных административно-территориальных единиц. Так, длительная невозможность создания Хортицкого немецкого национального района была обусловлена не только сложностями выделения из его состава ненемецких сельсоветов, но и чрезвычайным затягиванием проведения землеустроительных работ³³, невзирая на ежегодные призывы местных органов.

Медленные темпы осуществления землеустройства отягощались характером проводимых мер. Первоначальные размеры прирезки земли к бывшим колониям, обещанные республиканским руководством в 1924 г.³⁴ при введении национального районирования, были фактически сокращены в 1926 г. из-за разделения немецких поселений на три категории: 1) фактическое землепользование которых в период революции уменьшилось; 2) землепользование которых в период революции уменьшилось, но средний размер на двор остался свыше 16 дес.; 3) землепользование которых после уменьшения составило на двор менее 16 дес.³⁵ Эти меры резко урезали возможности увеличения землепользования для немецких поселенцев, так как большинство бывших колоний было отнесено к двум первым катего-

риям, земельная прирезка которым не предусматривалась. Так, в Люксембургском районе Мариупольского округа к 1-й и 2-й категориям соответственно были отнесены 23 и 12 немецких поселений, а к 3-й категории причислено всего одно³⁶. К тому же на почве межнациональных конфликтов из-за землеустройства нередко были отказы немецких поселенцев от причитающейся им нарезки земли в пользу ее аренды.

Уже в феврале 1926 г. Наркомзем УССР сообщил всем окружным земельным отделам, что задание по наделению всех безземельных и малоземельных граждан землей до какой-либо нормы пока невыполнимо³⁷. В связи с этим руководящими инстанциями упор теперь делался на переселенческую политику, как внутриокружную и внутриреспубликанскую, так и за пределами УССР³⁸. Однако внутриокружное и внутриреспубликанское переселение нередко приводило к усилению в немецких районах Юга Украины инонационального вкрапления. Это создавало угрозу потери статуса национальной единицы из-за изменения соотношения немецкого и инонационального населения в составе этих административно-территориальных образований, как это наблюдалось в Карл-Либкнехтовском, Молочанском и Пришибском районах.

Переселение же за пределы Украины (в Сибирь и на Дальний Восток) могло быть привлекательным для потенциальных переселенцев при условии компактного расселения представителей одной национальности. Однако законодательно это не было определено и практическое разрешение вопроса о компактном расселении «легло на плечи» Наркомзема РСФСР и уполномоченных Наркомзема УССР³⁹, во многом завися от их «доброй воли».

1926 г. оказался рубежным в конфликте государства с немецкими поселенцами по вопросу немецкой кооперации ввиду ликвидации «Союза потомков голландских выходцев на Украине», игравшего на начальном этапе нэпа определяющую роль в экономическом подъеме немецких районов Юга Украины⁴⁰.

Глобальные трансформации в советском обществе конца 1920-х гг. изменили приоритеты во взаимоотношениях руководящих инстанций с немецкими поселенцами в целом, и в вопросах национального районирования в частности. Одним из последствий сворачивания нэпа и курса на сплошную коллективизацию стала утрата интереса со стороны властных структур к опыту немецких поселенцев по налаживанию высокопродуктивного индивидуального крестьянского хозяйства. Для советского руководства это снимало необходимость уче-

та конфессиональных различий как фактора, влияющего на характер и результативность хозяйствования, и убирало существовавшие ранее препоны для проведения давно предполагаемых административно-территориальных трансформаций. Решением ЦАТК от 2 апреля 1928 г. Пришибский район, населенный в основном лютеранами, ликвидировался и его территория присоединялась к Молочанскому району, где преобладали меннониты. Ответом населения на осуществляемые государством глобальные преобразования стала попытка массового «голосования ногами» – новая эмиграционная волна среди немецких поселенцев. Стремясь притушить последствия неудачной для нескольких тысяч колонистов попытки эмигрировать и стабилизировать ситуацию в местах их компактного проживания, властные структуры в 1929 г. наконец-то завершили образование Хортицкого немецкого национального района.

Последующие меры по изменению структуры управления наглядно показали, что у советского политического руководства возобладали иные подходы, нежели вынужденные компромиссы и попытки стабилизации предшествовавшего периода. Постановлением ВУЦИК и СНК УССР от 2 сентября 1930 г. округа были ликвидированы, а районы перешли под непосредственное руководство центра. Этим же постановлением Хортицкий район, просуществовав в статусе национального лишь год, ликвидировался с подчинением его населенных пунктов Запорожскому горсовету, аппарат которого абсолютно не был приспособлен к обслуживанию населения немецких сельсоветов. Как элемент национального районирования район оказался заложником разворачивающейся индустриализации: его расформирование было связано с реализацией приоритетной для государства задачи – строительства Днепрогэса⁴¹. Такая позиция государственных структур на фоне все более теряемых немецкими поселенцами возможностей по сохранению хотя бы частичных элементов национально-культурной самобытности, вызвала глубокое разочарование населения.

Но и государственные структуры не были удовлетворены результатами проведенных административно-территориальных преобразований. Ликвидация округов (при отсутствии областного деления, имевшего место в РСФСР) и создание двухступенчатой системы (центр – район), в противоположность ожиданиям властей, значительно усложнила оперативность управления, а руководство полутысячью сельских районов из столицы республики становилось абсолютно невозможным. Сельская местность оказалась почти целиком

оторванной от управленческих центров в самый разгар проведения сплошной коллективизации. Это сыграло немаловажную роль в значительном ухудшении ситуации в сельском хозяйстве Украины в 1931-1932 гг. по сравнению с каким-либо другим регионом страны⁴², став прелюдией голода 1932-1933 гг.

Стремительно нарастающая дезорганизация управления, поставив под угрозу реализацию намеченных государством коренных социально-экономических преобразований, потребовала неотложного вмешательства. В феврале 1932 г. руководство УССР получило согласие Кремля на создание пяти областей, которые по территории почти вдвое превышали бывшие губернии, а в республике устанавливалась трехступенчатая система управления (центр – область – район)⁴³.

Административные реформы 1930 и 1932 гг., сыгравшие дезорганизующую роль в управленческой системе Украины, привели к дальнейшим территориальным изменениям. Значительные размеры созданных областей оказались тормозом для эффективного налаживания управленческой вертикали, что поставило вопрос об их разукрупнении, коснувшемся и национального районирования. В рамках осуществляемых мер в Сталинской (Донецкой) области в конце 1934 г. был образован Остгеймский (Телмановский) район, имевший смешанный украинско-немецкий статус (давно планировавшийся вариант создания немецкого мононационального района так и не был реализован из-за невозможности выделения из его состава ненемецких сельсоветов). А в начале 1935 г. в Днепропетровской области из части Молочанского района был сформирован Вальдгеймский (Ротфронтровский) немецкий национальный район.

С обострением международной обстановки и сворачиванием работы среди национальных меньшинств само существование национальных немецких административно-территориальных единиц в глазах властей не только теряло всякий смысл, но и становилось опасным. Немецкие районы Юга Украины были признаны «искусственно образованными» и до середины апреля 1939 г. ликвидированы с распределением сельсоветов, входивших в их состав, по другим районам. И если первоначально позитивная оценка государственными структурами практики создания немецких национальных административно-территориальных единиц сменилась отрицательным отношением к самому факту их существования, то для немецких поселенцев, значительно пострадавших в результате радикальных социально-экономических и политико-религиозных трансформаций в советском обществе, ликвидация немецких районов, изначально воспри-

нимаемых ими как зона сохранения хотя бы некоторых атрибутов национальной специфики (в первую очередь функционирования немецкого языка в делопроизводстве, прессе, образовании и т.д.), привела к невосполнимым потерям.

Примечания

- ¹ Айсфельд, А. Российские немцы и самоуправление: планы и действительность / А.Айсфельд // Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие (1871-1941 гг.): материалы 8-й междунар. науч. конф., Москва, 13-16 октября 2001 г. - М., 2002. - С. 34.
- ² Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины. - Ф. 1, оп. 4, д. 10, л. 36. - Далее: ЦГАВОВУ.
- ³ Горбик, В.О. До питання про районування України / В.О.Горбик, П.І.Скрипник // Український історичний журнал. - 1995. - № 2. - С. 18.
- ⁴ ЦГАВОВУ. - Ф. 413, оп. 1, д. 130, ч. 1, л. 112.
- ⁵ Там же. - Д. 252, л. 6 об.
- ⁶ Государственный архив Российской Федерации. - Ф. Р-6892, оп. 1, д. 50, л. 92. - Далее: ГАРФ.
- ⁷ ЦГАВОВУ. - Ф. 413, оп. 1, д. 66, л. 11.
- ⁸ Дмитрієнко, М.Ф. Зміни в адміністративно-територіальному устрої України в 1919-1920 рр. / М.Ф.Дмитрієнко // Український історичний журнал. - 2003. - № 6. - С. 76-77.
- ⁹ Кульчицький, С.В. Голод 1932 р. в затінку голодомору-33 / С.В.Кульчицький // Український історичний журнал. - 2006. - № 6. - С. 79.
- ¹⁰ ГАРФ. - Ф. Р-6892, оп. 1, д. 39, л. 2.
- ¹¹ Там же. - Д. 8, л. 1.
- ¹² ЦГАВОВУ. - Ф. 413, оп. 1, д. 252, л. 6 об.
- ¹³ Там же. - Ф. 1, оп. 3, д. 3072, л. 33.
- ¹⁴ Там же. - Л. 1.
- ¹⁵ ГАРФ. - Ф. Р-6892, оп. 1, д. 8, л. 1-2.
- ¹⁶ Там же. - Д. 37, л. 3.
- ¹⁷ Там же. - Д. 8, л. 15.
- ¹⁸ Там же. - Д. 39, л. 4.
- ¹⁹ ЦГАВОВУ. - Ф. 413, оп. 1, д. 130, ч. 1, л. 114.
- ²⁰ Там же. - Д. 91, л. 6-6 об.
- ²¹ Кульчицький, С.В. Криза колгоспного ладу / С.В.Кульчицький // Український історичний журнал. - 2003. - № 5. - С. 9.
- ²² ГАРФ. - Ф. Р-6892, оп. 1, д. 50, л. 10-11.
- ²³ Там же. - Д. 1, л. 16.
- ²⁴ Там же. - Д. 47, л. 35.
- ²⁵ Там же. - Д. 50, л. 95.
- ²⁶ Там же. - Д. 48, л. 41.
- ²⁷ ЦГАВОВУ. - Ф. 413, оп. 1, д. 91, л. 6-6 об.

- 28 Там же. – Д. 66, л. 11.
29 Там же. – Д. 91, л. 45; Д. 66, л. 11, 36-36 об.
30 *Центральный* государственный архив общественных объединений Украины. – Ф. 1, оп. 20, д. 2673, л. 21.
31 Там же. – Д. 91, л. 46.
32 *Євтух, В.Б.* Німці в Україні (1920-ті - 1990-ті роки) / В.Б.Євтух, Б.В.Чирко. – К., 1994. – С. 117-118.
33 *ЦГАВОВУ*. – Ф. 413, оп. 1, д. 199, л. 18.
34 Там же. – Д. 91, л. 55.
35 Там же. – Д. 200, л. 26-26 об.
36 Там же. – Л. 26 об.
37 Там же. – Д. 199, л. 56, 57.
38 Там же. – Д. 252, л. 27.
39 Там же. – Д. 140, л. 15-15 об.
40 *Осташева, Н.* «Союз потомков голландских выходцев на Украине» / Н.Осташева // Материалы к энциклопедии «Немцы России». Вып. 7. Немцы Украины. Пилотный сборник. – М., 2002. – С. 193-197.
41 *ЦГАВОВУ*. – Ф. 413, оп. 1, д. 252, л. 26.
42 *Кульчицький, С.В.* Голод 1932 р. в завітку голодомору-33. – С. 78-79.
43 Там же. – С. 79.

Надійшла до редколегії 20.08.2007

Б.В. Чирко

НЕМЕЦКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ГРУППА В УКРАИНЕ В КОНТЕКСТЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЭТНОПОЛИТИКИ 20-30-х гг. XX ст.

Досліджується історія, а також особливості етносоціального буття німецької національної групи в Україні в умовах сталінського режиму в 1920-30-х рр.

Отрадно констатировать, что в последние годы (особенно с середины 1990-х гг.) историография по проблемам этносоциального бытия немцев в Украине значительно расширилась. Опубликованы серьезные работы, авторами которых являются как украинские, так и зарубежные исследователи. Вышли в свет работы И.Кураса,